
М. А. КУКАРЦЕВА, А. МЕГИЛЛ

ФИЛОСОФИЯ ИСТОРИИ И ИСТОРИОЛОГИЯ: ГРАНИ СОВПАДЕНИЯ

Долгие годы между историками и философами отсутствует единство мнений по поводу того, у кого больше прав рассуждать об истории со знанием дела. Отношения между историографией и философией истории некоторые исследователи называют даже «шизофреническими» (Domanska 1998: 262). Историки сомневаются в возможности философии адекватно освоить всю сумму проблем истории. Например, представитель раннего поколения американских историков, непоколебимых «антитеоретиков», воспитанных в парадигме традиционной политической истории, Т. Хамероу полагает, что «для большинства историков практика значит больше, чем теория; деятельность больше, чем рефлексия. Те, кто это чувствуют, пишут об истории, кто нет – о философии истории» (Hamerow 1987: 206). К этому мнению присоединяется и историк поколения 1990-х гг., поколения «новой истории», Р. Мартин. «Философские идеи приходят и уходят. Историки могут не знать последних эпистемологических и метафизических веяний, но они знают, как делать историю, и это все, что они должны знать», – пишет он (Martin 1995: 3). Данный тезис нередко не вызывает возражения и у отечественных историков. «Философы сами сильно зависят от историков», – считает, например, Н. Смоленский (1996: 4). Это связано с тем, на наш взгляд, что многие философы действительно не в полной мере владеют категориальным аппаратом исторического знания и не всегда правильно понимают суть последнего или просто обращают мало внимания на то, чем действительно занимаются историки. Под этот случай подходят, в частности, исследования К. Гемпеля – его меньше всего интересовало то, что на самом деле делают историки, он был уверен, что владеет «правильным» методом, который логический эмпиризм заимствовал из естественных наук. В целом по поводу претензий философов с наибольшей полнотой исследовать проблемы исторического знания хорошо сказал

М. Фуко – сегодня в США наиболее спорный и наиболее востребованный философ истории, оказывающий огромное влияние на следующее поколение историков: «Существует своего рода миф истории для философов. Знаете ли, философы по большей части весьма невежественны во всех дисциплинах, кроме своей. Существует математика для философов, биология для философов, ну и точно так же – история для философов. Для философов история – это своего рода огромная и обширная непрерывность, где перемешаны свобода индивидов и экономические или социальные детерминации» (Фуко 1996: 350). Но не получается ли тогда, что история становится для философов областью, где все их размышления не возвышаются над дилетантизмом? Тем более, что многие из тех исследователей, кто внес существенный вклад в философию истории, были скорее теоретиками-историками (интеллектуальными историками, «историками идей»), чем философами. Например, Коллингвуд известен сейчас как философ, хотя в его время его знали как археолога и историка Римской Британии. Его теория историографии была рефлексией его собственного опыта археолога, что из его «Автобиографии» видно даже лучше, чем из «Идеи истории». Попробуем расставить акценты.

Философия истории есть концептуальный способ исследования, а история – преимущественно эмпирический, основывающийся на опыте исследования источников. В истории исследовательская ситуация выстраивается в направлении от формирования фактологической основы исследования через постановку проблемы к выбору основных постулатов методологии анализа, а в философии – от формулировки проблемы и изложения основных подходов к ее решению, к определению субстрата исследования. Это подтверждает хотя бы тот факт, что вся послевоенная социальная и «новая культурная» история заимствовала свои идеи из, например, марксизма, позитивистской социальной теории, теории парадигм Куна, антропологии (теория культуры Гирца как «сети значений, к примеру), социологии (идея габитуса и «культурного капитала» Бурдьё). При этом историки редко пытались изучить минусы востребованных ими теорий, истинную меру продуктивности их применения в исторических исследованиях.

Мы предлагаем употреблять два термина: *«философия истории»* как наиболее широкая категория, *метаисторический дискурс*, *часть социальной философии*, и *«историология»*, теория истории,

имеющая непосредственное отношение к практической работе историка – *область социальной эпистемологии*. Очевидно, что социальная философия и социальная эпистемология неразрывно связаны друг с другом, они, по существу, имеют одинаковый объект изучения – социальность, которая в первой понимается как отличная от природы самостоятельная реальность, во второй – как признанность знания формами деятельности и общения¹. В дихотомии вопросов об истории и собственно исторических вопросов первое – более широкое – сфера деятельности философов, второе – компетенция историков. Философия истории дает возможность системно понять, объяснить и изложить историю с точки зрения, вынесенной за пределы истории. Историология дает возможность системно понять, объяснить и изложить историю с точки зрения самой истории. Наложение этих перспектив друг на друга, рассмотрение теоретико-исторических и философско-исторических проблем в их взаимной связи и пересечении объемов позволяет получить научные результаты, способные привести к интересным научным открытиям.

В силу специфики самого философского знания философия истории может рассматриваться как онтология и как эпистемология истории. Онтологическая (субстантивная или спекулятивная в западной философской традиции) философия истории является дисциплиной, предмет которой – создание общей теории всемирно-исторического процесса, включая проблемы исследования памяти, коммеморации, идентичности и др. Такая философия истории существует относительно самостоятельно от исторической науки. Если же мы говорим об эпистемологии философии истории, то предметом анализа здесь могут быть и онтологическая философия истории, и историческая наука.

Историология есть особое феноменологическое пространство мысли, вмещающее в себя все имеющиеся на данный момент «рабочие» версии концептуализации истории. Целью образования такого пространства является не широта охвата проблемы, а поиск «жизненной полноты» – системы центральных вопросов рефлексии

---

¹ В современном социально-гуманитарном знании нет общепринятого, непротиворечивого определения социальности, так же, впрочем, как и социальной философии и социальной эпистемологии. Приводимые нами дефиниции являются только рабочими инструментами решения поставленной в статье проблемы.

истории, образующих нерв того движения мысли, которое можно назвать теоретической историей. Невозможно определить основначала истории иначе, как через отношение их к основначалам знания вообще. Любой теоретик истории неизбежно должен выяснить, в чем заключается специфичность исторического бытия и существует ли эта специфичность, каковы основные категории исторического познания, основные исторические понятия, те же ли они, что и в области познания природы, или другие, и т. д.

Выделим основные виды философии истории и историологии и сопоставим их для того, чтобы увидеть указанную связь и доказать, что она не просто постулируется, но и реально существует. При этом мы будем следовать не хронологии, а логике развития философии истории и историологии, где идеи одного автора способны инспирировать несколько разных направлений исследования.

Развитие философии истории мы предлагаем представить цепочкой «классическая – неклассическая – постнеклассическая» философия истории. Основные интересы *классической* философии истории группируются вокруг проблем смысла истории, ее деятельных сил и персон, направленности исторического процесса, способах познания исторического процесса. Классическая парадигма философии истории замыкается в пределах стремления выработать общее историческое мирозерцание, понимаемое как философское выяснение принципов самой истории и принципов познания истории. Онтологическая и эпистемологическая проблематики в классической философии истории являются равноправными². В *неклассической парадигме* философии истории домини

---

² В рамках классической философии истории мы выделяем 5 основных направлений. *Во-первых*, античность, средневековое христианство и инспирированный христианством в целом взгляд на философию истории. Античность сделала акцент на ощущениях человечества как связанного целого (гилозоизм, статичность и холизм во взглядах на историю), христианство противопоставило этому постулат тварности мира, сделав акцент на процессуальной стороне истории (развитие человечества от его сотворения до апокалипсических событий Нового Завета). Реализация христианского понимания философии истории была продолжена Боссюэ, де Ружемонном, Ранке, Сеньобосом, Бердяевым, Соловьевым и др. Их концепции объединяет понимание истории как осуществления божественной идеи, и они представляют собой не аналитическое (теоретическое) знание истории, а знание духовно-практическое, чьи обобщенные принципы, нормы и идеалы могут быть эксплицированы только на конкретных ситуациях и нуждаются в индивидуальной духовной проработке. *Во-вторых*, идеи Вико, Монтескье, Тьюрга, Вольтера и Гердера, Лотце, Лафарга, Маркса, Данилевского, Тойнби, Фукуямы, Хантингтона и др. По мнению многих исследователей, именно здесь и начина-

рует онтологическая проблематика, эпистемологическая является вторичной. Неклассическая парадигма в философии истории первоначально была инспирирована размышлениями Гегеля о возможности исторического осуществления логически постигаемых идей. Эти размышления были развиты романтиками – В. фон Гумбольдом, Шлегелем, Новалисом, отчасти Фихте. Были предложены вариативные концепции разнообразных исторических миров как неких сфер значений (*umwelten*). Основные рефлексии романтического понимания истории («дух народа», «мировая душа», «тело нации») стимулировали появление онтологических философско-исторических идей Дильтея. Здесь прежде всего речь идет о специфическом понимании жизни Дильтеем (индивидуальной психической жизни как прообраза жизни общества и истории, так что все события, происходящие в обществе и истории, детерминируются индивидуальной духовной жизнью человека, а сама история объясняется из этой жизни). Это понимание жизни оказало огромное влияние не только на всю немецкую философскую антропологию, но и на всю немецкую философию истории. По существу, была создана *антропологическая* философия истории, которую сегодня всерьез практически никто не исследовал ни в отечественной, ни в зарубежной литературе. В наибольшей степени она была разработана в немец

ется собственно философия истории. Помимо формального появления самого термина впервые формулируется и становится общепризнанным существование особого круга проблем – философии истории, а сама она признается отдельным объектом философского исследования. В орбиту философско-исторических размышлений вовлекаются понятия географического детерминизма, общественного договора, происхождения и сущности культуры, ее влияния на исторический процесс, поиски единой детерминанты всемирной истории. *В-третьих*, сформулированное Кантом направление исследований, акцентирующее проблематику свободы, роли нравственного сознания в истории, самостоятельности в истории единичной воли. *В-четвертых*, идеи Кондорсе, Бокля, Конта, Лампрехта, Шпенглера, Риккерта и Виндельбанда, где основной интерес сосредоточен на методологии познания деятельных сил истории. Особую роль здесь сыграли работы Дройзена и Дильтея. Дальнейшее развитие этого направления классической философско-исторической мысли привело к дискуссиям о месте и эвристических возможностях сравнительно-исторического (Конт), культурно-исторического (Лампрехт), морфологического (Шпенглер), нарративного (Ранке) методов; понимающей или объясняющей методологии (Гуссерль, Шутц, Гемпель, Поппер). *В-пятых*, аналитическая философия истории, которая осуществляет анализ специфики дискурса истории как научной дисциплины через: 1) концептуальный анализ истории с целью обеспечения надежных оснований исторического знания; 2) анализ того, чем должна заниматься историческая теория и как она должна строиться; 3) анализ методологии истории, пересекающийся с новыми проблемными областями феноменологии и герменевтики; 4) исторический анализ конкретно-исторических обычаев словоупотребления.

кой философии, так как именно там философская антропология имеет особенно длительную традицию (Кант, Фейербах, Маркс и др.), но ее систематическое изучение началось только в 20–30-е годы XX века. Помимо широкоизвестных работ Шелера интерес представляют исследования Зомбарта, Липпса, Литта и др. (Sombart 1938; Lipps 1941; Litt 1948). В ней естественным образом возникает проблема пересечения философской антропологии с философией истории. Точка такого пересечения главным образом видится в проблеме поиска специфических отличий человека от прочих живых существ – его «незаконченность», «естественная искусственность», «историчность». Философия истории выступает как философия институтов, философия человеческой свободы (конституционно она дана избыточно, следовательно, назначение истории – преодоление избыточности человеческой свободы). Перед нами совсем другой поворот философии истории, где концептом выступает человеческая природа – либо в своей естественной ипостаси (Гелен, Плесснер), либо в культурной, где культура равна объективному духу (Ротхакер, Ландманн), либо в спиритуалистической (Хенстенберг, Панненберг). Наиболее яркий представитель антропологической философии истории в период 1918–1945 гг. – Э. Ротхакер (Rothaker 1971), косвенно сюда примыкает ранний Хайдеггер с его исторической герменевтикой, идущей от человека и его существования, последним горизонтом которого является историчность. Работы французской исторической школы, в частности, исследования Ле Руа Ладюри, продолжили идеи немецкой антропологической философии истории.

Постнеклассическая философия истории ставит в центр исторических исследований текст, понимаемый как текст исторического нарратива. Текст становится центром исследовательской работы историка. В противоположность классической и неклассической философии истории постнеклассическая постулирует не-очевидность и не-прозрачность исторического текста, подчеркивает важность и сложность его написания и прочтения. Постнеклассическая парадигма философии истории исходит из того, что именно фонология, синтаксис, круг проблем риторики являются определяющими в выстраивании текста исторического нарратива. Предмет особого интереса – возможность использования тропов поэтического языка,

посредством которых новое смысловое содержание пробивает себе дорогу в область дискурсивной практики. Здесь постнеклассическая парадигма философии истории воспроизводит известную мысль Кроче о том, что история находится «в нас самих», и филология и философия соединенными усилиями производят историю. Постнеклассическая парадигма философии истории представлена работами Х. Уайта (White 1973), Ф. Анкерсмита, (Ankersmit 1994), Х. Кельнера (Kellner 1989), С. Банна (Bann 1984), а также известнейшей антологией «Новая философия история», изданной под ред. Ф. Анкерсмита и Х. Келлнера (Ankersmit, Kellner 1995)

Важно, что к постнеклассической философии истории примыкает и герменевтическая философия истории, исследующая проблему объективности исторических событий и ее соотношение с историческим текстом. Этой проблеме посвящены работы известного немецкого историка и философа истории Й. Рюзена (Rusen 1975; 2002). Основные проблемы, которые поднимает Рюзен, таковы: возможно ли ставить вопрос о цели и смысле истории, либо необходимо на первый план поставить проблему построения истории, то есть в конечном счете возможность объективного знания истории, меру соотношения истолкования и объяснения в истории; проблема границы исторической реконструкции как проблема истинности исторического текста; философия истории под углом зрения включенности в контекст современности и, тем самым, проблемы прочтения исторического текста. Ряд этих идей развит в книге Г. Бердинга «Просвещение с помощью истории» (Berding 1990). В целом мы полагаем, что постнеклассическая философия истории ближе к философии историографии, чем к собственно философии истории, так как предмет историографии – определение методологических основ истории. Поэтому постнеклассическая философия истории замыкается в пределах методологических процедур познания истории, что в итоге порождает своего рода изоляционизм в философско-историческом знании.

Из выделенных нами парадигм философии истории в настоящее время доминирующими являются классическая и постнеклассическая. Классическая – потому что потребность в понимании и объяснении самой истории, ее смысла и направленности остается неистребимой, люди хотят знать и осмысливать прошлое и буду

щее истории, хотят знать способы познания истории, чтобы участвовать в ней. Постнеклассическая философия истории востребована потому, что существует настоятельная необходимость исследовать и понять процессы смыслообразования как в самом историческом процессе, так и в историческом и метаисторическом тексте.

По аналогии с выделенными парадигмами философии истории основные направления историологии мы предлагаем представить четырьмя ключевыми ориентациями: *аналитической, герменевтической, идеалистской и нарративно-лингвистической*. Первые три в основном относятся к дискуссиям конца XIX – начала XX века о статусе гуманитарного знания, последняя возникла только в 1970 г. В отличие от философии истории, берущей начало в античности, историология началась с борьбы против позитивистского понимания единства науки, в ходе которой ключевую роль сыграли идеи Виндельбанда о дистинкции номотетическое / идиографическое, Дильтея о дистинкции *Erlären* (объяснение) / *Versehen* (понимание), М. Вебера о сочетании объяснительного и интерпретативного аспектов в исторической работе. Кроме того, в IX веке дискуссии в области историологии протекали в основном в контексте риторического подхода к историописанию, берущего начало от Цицерона; гегелевского требования рассматривать историю как развитие мирового духа; резкой критики историологии Ф. Ницше (Ницше 1990), позиционирующего себя как антифилософ истории; критических работ Э. Бернхейма, Ш. Ланглуа и Ш. Сеньобоса. Риторика была озабочена стилем исторического повествования; критические историки – методом исторического исследования. И те и другие артикулировали сознание историка: риторика полагала историка прежде всего литератором, критика – методологом. Философы же истории ко всем этим проблемам высказывали небольшой интерес, они, например Ф. Брэдли, «жили» в области более общих вопросов эпистемологии (Bradley 1935).

Первое более или менее систематическое изложение историологии дал в своих «Очерках истории» Г. Дройзен, предположив, что история принадлежит не к идеальному или материальному миру, но к миру этическому (Дройзен 2004). И только во второй половине XX века сформировалась в целом достаточно эклектичная группа философов, социологов, историков и литературных крити

ков, объединившихся на основе интереса к теоретическим вопросам исторического исследования – историологии. Основанный в 1960-х годах журнал «History and Theory» стал местом проведения самых разнообразных дискуссий. Все они оказывали и оказывают серьезнейшее воздействие и на философию истории, и на практическую работу историков.

Аналитическая историология произошла из позитивистской ориентации в исторических исследованиях. Ключевой здесь является работа Гемпеля «Функция общих законов в истории». Он предложил универсальную модель объяснения истории, продемонстрировав ее на примере автомобильного радиатора: детерминирующие условия (низкое падение ночной температуры) и общие физические законы (замерзание воды) (Гемпель 1998: 17–18). История, по Гемпелю, есть не наука, а только *применение* к ней науки. Истинный интерес Гемпеля лежал в области философии науки и философии объяснения, а не в истории. Тем не менее идеи Гемпеля положили начало дискуссии, длившейся вплоть до начала 1960-х гг. Она развернулась на страницах «History and Theory», а также рецензировалась в трех антологиях: «Теории истории» Патрика Гардинера (Gardiner 1959), «Философия и история: симпозиум» Сидни Хука (Hook 1963) и «Философский анализ и история» У. Дрея (Dray 1966). Ключевую роль здесь сыграли идеи и работы Мортона Уайта, А. Данто, У. Гэлли и У. Дрея (см. об этом: Рикер 1999). В наши дни проблема применения логики к историческим исследованиям всестороннее обсуждена в монографиях К. Бехана МакКуллаха «Логика истории: помещая постмодернизм в перспективу» (McCullagh 2004) и А. Такера «Наше познание прошлого: философия историографии» (Tucker 2004), причем последняя вызвала самый оживленный интерес читателей, и историков, и философов.

Продолжая развивать философию объяснения применительно к историографии, Такер полагает, что «априорная» аналитическая философия (Гемпель и др.) разрушила философию историографии, сделав ее irrelevantной исторической практике. Целью его книги является поддержка «научной историографии» против «терапевтической ненаучной историографии»: «только ...знание прошлого, основанное на научной историографии и ее философском понимании может освободить нас» от тирании «до-современности»

(premodernity) (Tucker 2004: 262). При этом интересно: Такер, что несвойственно аналитической традиции, уделяет значительное внимание истории историографии (Tucker 2004: 46–91). В целом в его книге можно выделить две основные идеи: исследование концепции «общей причины» в историографии и анализ возможности применения к истории средств математической формализации.

Такер утверждает, что в начале IX века теоретический фундамент возникновения научной историографии составляли «теории и методы», включающие в себя «вывод от свидетельства к общей причине». Иллюстрацию такой модели исследования он находит в пяти научных дисциплинах, которые, по его мнению, или предшествовали, или были параллельны научной историографии: сравнительная лингвистика, эволюционная биология, библейский критицизм, классическая филология и критика текстов (текстология). Согласно Такеру, в каждой из этих областей существует некий тип «общей причины», располагающейся или в прото-языке, или в вымерших биологических видах, или в оригинальных текстах и пр.; «...эти науки доказали, что гипотетическая общая причина есть лучшее объяснение факта подобий в свидетельствах». То есть указанные области знания объединяет общий методологический принцип: генетическое объяснение, при применении которого наблюдаемая картина объясняется неким *неслучайным эволюционным процессом*. Метафорически говоря, наблюдая крону дерева, мы можем с большой долей вероятности выявить и описать его корни. Например, лингвисты выявили, что существуют сходства между греческим языком, латинским и санскритом и некоторыми другими языками. Это наблюдение привело к выводу о том, что все эти языки имеют одно общее происхождение, что дало возможность дать примерные характеристики этого общего гипотетического источника. Такер предполагает, что историки-ученые заняты точно таким же типом работы: историческое исследование есть исследование свидетельства, на основе которого выполняется работа историка. В самом деле, все названные области науки связаны с объяснением существующего свидетельства: соотношение живых и мертвых языков, существующих и вымерших организмов, дошедших до нас фрагментов рукописей и наличествующих социальных структур и пр. Подо

бия, выявленные в этих феноменах, объясняются путем сравнения существующих феноменов с родовыми, например, в текстологических исследованиях текстовые подобиya устанавливаются через исследование оригинальных текстов, которые в более раннее время были искажены в процессе их копирования переписчиками. Во всех случаях мы сталкиваемся с приемом своего рода «растягивания» времени. Лингвист спрашивает: как мы объясняем сеть взаимосвязанных языков, живых и мертвых; биолог – как мы объясняем взаимосвязь сегодняшней жизни на Земле и вымершие атавизмы; текстолог – как мы объясняем связь коллекции различных рукописей, написанных в разные времена, или как мы выявляем исторически первичный текст, определяем его достоверность; историк – как мы объясняем связь существующих сегодня социальных институтов и социальных порядков с документами прошлого. Такер полагает, что лучшее объяснение сегодняшней практики историков есть противопоставление ее сохранившимся историческим свидетельствам, в результате чего исторические события рассматриваются как причиненные этим свидетельством. С точки зрения Такера, описать и объяснить прошлые события и реалии на основе существующих свидетельств – значит *объяснить* свидетельства в смысле «придания им смысла». Акцент Такера на объяснении свидетельства высвечивает эпистемологический аспект работы историка, его обязанность исследовать свидетельства не в меньшей мере, чем конструировать репрезентацию прошлого, что позволяет провести черту между собственно историческим исследованием и мифом, пропагандой, памятью и пр. Историки обязаны «объяснять» свидетельство, распознавать наиболее вероятную причину происходящих событий среди возможных конкурирующих причин. При этом слово «вероятная» не означает вероятность в статистическом смысле, то есть вероятность того, что это событие вообще произойдет. Выражение «вероятная причина» означает, что найдено наилучшее объяснение существующего свидетельства, позволяющего говорить о *наиболее* вероятной причине происходящих событий.

В свое время проблема «выведения наилучшего объяснения» широко обсуждалась историками, но это словосочетание не прижилось в историческом дискурсе (Harman 1965: 88–95). В него вошел другой термин – «абдукция», «абдуктивный вывод». Истори

кам абдукция стала известна благодаря методологическим трудам Карло Гинзбурга³ (2004). Она относится к гипотезе исследователя о возможном истинном объяснении некоего феномена на базе фрагментированного свидетельства, то есть от следствия к причине через выявление некоего общего правила.

В отличие от представителей некоторых естественнонаучных дисциплин, историки не могут создать свидетельство, они обязаны его найти. Как результат «наши знания истории ограничены содержащим информацией свидетельством, которое сохранилось в ходе преодоления лакун времени в историческом процессе, и оно соединяет историю с написанием историографии. Непрозрачность свидетельства порождает недоопределенность историографической гипотезы» (Tucker 2004: 261). Именно отмеченное свойство времени исказить свидетельство порождает нужду исследователей в абдуктивном выводе. В свое время только смелый абдуктивный вывод позволил Дарвину сформулировать его теорию происхождения видов. Но между теорией Дарвина и историографией огромная разница. По Дарвину, органические структуры образовались в ходе абсолютно неинтенционального, бесстрастного органического процесса. В истории же все сложнее. С одной стороны, есть множество людей, убежденных в том, что исторический порядок натур- или социально детерминирован, с другой стороны, широко распространено мнение о том, что в истории действие и страсть, свобода и детерминизм сосуществуют вместе. Историки вынуждены балансировать между этих двух экстремумов. Казалось бы, дисциплины, указанные Такером, избегают детерминизма биологического типа,

---

³ Сам термин «абдукция» был предложен Ч. Пирсом и означал семиотическую интерпретацию, инсайт, «момент озарения», который вкрадывается в наше «перцептивное суждение». С этой точки зрения любой акт восприятия уже есть абдукция (Pierce, Ch. 1955. *Perceptual Judgments. Philosophical Writings of Pierce* (p. 394). Dover Publications). Абдукция, таким образом, есть догадка, полученная на основе выведения из частного факта на основе некоторой закономерности возможной гипотезы. С помощью абдукции было сделано немало научных открытий. Метод абдукции исследовал У. Эко, он предложил три вида абдукции: гиперкодирования (общее правило получается автоматически); декодирования (общее правило выбирается среди альтернативных); креативная (общее правило создается заново) – Eco, U. 1984. *Semiotics and the Philosophy of Language*. Bloomington Indiana U. P. См. об этом, напр.: Крупнина, Е. В. 2005. *Философская проблематика в романах У. Эко*. Дис. ... канд. философ. наук. М. Об абдукции см. также: Josephson, J., Tanner, M. 1994. *Conceptual Analysis of Abduction. Abductive Inference: Computation, Philosophy, Technology* (p. 5–29). Cambridge, N. Y. Cambridge University Press.

но одновременно они акцентируют внимание на эволюционной биологии, где тоже господствуют неинтенциональные процессы: изменения в языке происходят непреднамеренно, коррекции в рукописях, как правило, происходят в результате случайных ошибок копиистов, обусловленных обстоятельствами места и времени. Такер выводит свою концепцию «общей причины» из философии биологии (Sober 1988). Он хочет исключить интенцию и действие из исторического поля. Поэтому он, основываясь на теории информации или информационного потока, рассмотренной философом Фредом Дретске (Dretske 1981), определяет философию историографии как дисциплину, исследующую то, «как историки сепарируют информацию от слухов и выдержек из информационных сгустков» (Tucker 2004: 180). В этой связи наиболее релевантной задачей исторического исследования он считает теорему или «правило» Байеса, позволяющее выносить решение о наиболее вероятной (наилучшим образом соответствующей действительности) гипотезе с помощью *критерия наибольшего правдоподобия* (правило Байеса является математической основой указанного критерия). Суть этого критерия заключается в следующем: все наблюдаемые процессы взаимосвязаны; наблюдая результат этого процесса, мы можем восстановить некий спектр его исходных причин, которые могли в свое время инспирировать существующую в данный момент картину; находим в выявленном спектре наиболее вероятную причину, вычисляя по формуле Байеса вероятность условного события – наблюдаемой картины А при условии, что она порождена причиной В ($A|B$). Для этого мы в результате анализа исторических документов найдем значения безусловных вероятностей событий А и В, а также функцию правдоподобия условного события $A|B$. Такер считает, что могут быть только случайные отклонения от байесовского идеала среди историков, достигших «непротиворечивой, гетерогенной, согласованной историографии», да и по поводу этих отклонений нет единого мнения.⁴

---

⁴ Иллюстрацией правила Байеса может служить известный «парадокс Монти Холла», суть которого заключается в том, что игроку предлагается открыть одну из трех дверей, за которой находится машина, а другими двумя – что-нибудь несущественное, например, ослы. Сначала игрок выбирает одну из дверей, но ее не открывают, а открывают другую, за которой находится осел. Далее игроку предлагают поменять свой выбор, если, по его мнению,

Идею Такера можно проиллюстрировать на примере известной дискуссии о предполагаемых интимных отношениях третьего президента США Т. Джефферсона с его рабыней Салли Хэмингс (Gordon-Reed 1998). Все исследования историками аргументов «за» и «против» не дали определенного решения, так как в дело вмешивались воля, желания и предпочтения людей, и только тестирование ДНК одного из потомков Джефферсона и потомков Хэмингс неоспоримо доказало, что отцом одного из детей Хэмингс был именно Джефферсон. Чисто физическая природа свидетельства стала основой бесспорного вывода. Но Такер не учел и другого очевидного факта: историческая эпистемология имеет свои границы; она заканчивается там, где начинается иной вид научного знания – естествознание. Поэтому словосочетание «научная историография» по крайней мере неудачно.

Герменевтическая историология возникла, напротив, из антипозитивистской ориентации. В отличие от аналитической философии объяснения, герменевтическая историология не была враждебно настроена к историописанию в его наличных формах. Здесь вновь вмешательство философской рефлексии в решение исторических проблем особенно очевидно. Например, Дильтей, который был и интеллектуальным историком, и философом, ранний Хайдеггер, Гадамер с понятием *Wirkungsgeschichte*, тенденцией предпочитать субъект объекту и его историческому контексту.

Принято различать немецкую герменевтику и аналитическую герменевтику. По мнению аналитиков, немецкая герменевтика в основном интерпретирует тексты (прошлое) и рассматривает их как нечто данное, застывшее, что понуждает исследователя сделать шаг назад, чтобы открыть важность текста. Немецкая герменевтика выбирает преимущественную точку зрения вне текста прошлого, она синтетична и в целом безразлична к так называемому *mens auctoris*. Англо-саксонская аналитическая герменевтика, напротив, истолковывает не текст, а интенциональное действие человека и движется, понимая, не прочь от прошлого, а внутрь этого прошлого, настаивает на открытии в нем все новых и новых исторических

фактов. Эти факты аналитическая герменевтика ищет в интенциях, опережающих и формирующих действие, и в самом действии. Этот тип герменевтики не безразличен к *mens auctoris*, а реконструирует его и в своей сущности не синтетичен, а аналитичен. В отличие от немецкоязычной аналитическая герменевтика ориентирована не только на понимание другого «Я», но и на понимание общественного поведения. Отсюда и интерес аналитической герменевтики к теории действия, что составляет одну из ее главных особенностей. По мнению англосаксонских авторов 60–70-х годов, в ряде гуманитарных дисциплин (истории, экономике и др.) центральным объектом исследования являются действие и его детерминанты. Допускается, что существует внутренняя связь между описанными как пропозиции ментальными состояниями, якобы детерминирующими действие, и объектами, отождествляемыми с результатами интенционального действия. Сама эта идея основана на методе «понимания» или интерпретирующего объяснения, заимствованного из неокантианства, идей Дильтея, Вебера, Дюркгейма, Парсонса и др.

Существенную роль в становлении и оформлении герменевтической историологии сыграла французская философско-историческая школа. Раймон Арон, во многом вдохновленный работами Вебера, в своей докторской диссертации доказал, что историческая реальность существует до ее реконструкции историком (Арон 2000). В то же время веберовский социологический акцент позволил Арону остаться восприимчивым к соционаучному измерению истории, в частности, к исследованию влияния на историю социальных структур. Поль Вен также испытал влияние идей Вебера (Вен 2003). В традицию герменевтической историологии входит и другой французский историк А.-И. Мару (Marrou 1954). Мару находился скорее под влиянием Дильтея, чем Вебера, и фокусировал внимание на интенциональных аспектах анализа исторической реальности. По мнению Мару, прошлое есть не более «чем мыслительная конструкция, которая легитимна... но абстрактна и... не является самой реальностью», а реальностью является «человеческое существо, индивидуальность которого единственно настоящий организм» (Marrou 1954: 177). П. Рикер собрал и проанализировал гигантское количество литературы, создав своего рода введение в герменевтическую историологию (Рикер 2004). Важно то,

что и Рикер, и Вен проявили немалый интерес к нарративу, сформировав некую тенденцию дрейфа герменевтической историологии в сторону нарративистских исследований.

Так же, как и герменевтическая, *идеалистская* историология возникла как реакция на позитивизм. Наиболее важный вклад в дело ее создания внесли Б. Кроче, М. Оукшот и Р. Дж. Коллингвуд (Оукшот 2002; Кроче 1998; Коллингвуд 1980). Поздним образцом идеалистской историологии стала книга Леона Голдстейна «Историческое познание» (Goldstein 1976). Идеалистская историология пересекается частью объемов с герменевтической. Обе они настаивают на неадекватности методов естественных наук для понимания мира человека; фокусируют внимание на интенциональном характере мышления и действия, оставляют без внимания те аспекты исторической действительности, которые детерминированы бессознательными психическими или социальными структурами. Если аналитическая историология исследовала дескриптивные и объяснительные моменты в исторической работе, то идеалистская и герменевтическая рассматривают связь отдельных фактов между собой так, чтобы могла сложиться связная картина или концепция исторической реальности. Они рассматривают характер историописания как проект, отличный от других способов соприкосновения с миром. Но идеалистская историология отличается от герменевтической по двум важным пунктам: во-первых, она фокусирует внимание на *действиях*, совершенных в прошлом. Мышление она исследует только в том случае, если оно тесно связано с действием. Например, Кроче рассматривал историю как «мышление и действие», а Коллингвуд ввел понятие «пере-думывание» прошлого. Идеалистской историологии присуща модель политической истории. А герменевтическая историология сфокусирована на исследовании текстов прошлого, ее модель – интеллектуальная история. Во-вторых, герменевтическая историология имеет тенденцию рассматривать историческое исследование как *реконструкцию* прошлого (хотя и с определенной перспективой в настоящем). Идеалистская историология стремится рассматривать историческое исследование как *конструкцию* прошлого (без использования интеллектуальных ресурсов, доступных в настоящем). Так, например, Кроче полагал, что история, будучи конструктором настоящего, есть совре

менная история, а Коллингвудово «пере-думывание» есть передумывание нас в настоящем. По словам Оукшота, работа историка заключается не в открытии или интерпретации, а в созидании и конструировании. Для герменевтической историологии такой взгляд на вещи был бы слишком субъективным: для нее прежде всего необходимо найти и *описать* прошлое, вступить с ним в диалог.

Нарративно-лингвистическая историология была основана литературным критиком Р. Бартом, философом Луисом Минком и историком и культурным критиком Хайденом Уайтом (Барт 2000; 2003; 1994; Mink 1987; White 1973; 1987). Важны работы Ф. Анкерсмита, Ст. Банна, Х. Келлнера, Л. Госсмана, Ф. Каррарда, и здесь мы вновь видим, что эти же авторы основали постнеклассическую философию истории, что подтверждает нашу идею о том, что историология и философия истории представляют собой взаимосвязанные концепции исследования истории.

Ключевая характеристика нарративно-лингвистической историологии заключается в ее подчеркнутом стремлении рассматривать мир истории как лингвистическую конструкцию. В том смысле, что исторический мир, сконструированный из языка, надо анализировать с точки зрения критического анализа работ по литературе. Литературные источники используются в процессе конструирования прошлого. В рамках нарративно-лингвистической историологии существует множество подходов: подчеркивающий конструктивную роль аранжировки исторической работы (ее диспозицию в нарративе); роль тропов или стилистики в исторической работе; четкость формулировки авторских интенций или убедительность последних для аудитории. Безусловно, нарративно-лингвистическая историология выросла из первых трех: из исследования природы нарратива аналитической историологией, холистском акценте герменевтической, особенно ясно проявившимся в работах Рикера, акцентировании идеалистской историологией истории как лингвистического конструкта. Но она имеет и другие источники: поэтику и литературную критику послевоенного периода, апеллирующих к древней риторике; прочтение текстов постструктуралистской философией и исследования в области философии науки конца XX века, а именно в разрушении фундаментального допущения предшествующей мысли о том, что между естествознанием и

социально-гуманитарным знанием пролегал непреодолимая граница. Особенный интерес в этой связи представляет «новый историзм» в литературной критике, разрабатываемый Стивеном Гринблаттом и другими, который имел тенденцию стирать границы между литературным и историческим анализом (*The New Historicism Reader...*; Козлов 2003). Новые историки пытаются вовлечь в историю контекстуализм литературных текстов путем сопоставления (наложения) одного ряда литературных или нелитературных текстов с другим. Например, дебаты о поэтической метрике тюдоровской Англии стали частью «порождающего проекта английского национального само моделирования» (Helgerson 1989: 278). В принципе, это не противоречит работе историка. Но есть два ключевых отличия: 1. Новые историки характерно обращают больше внимания на работы, которые могут рассматриваться как часть литературного канона, и гораздо меньше внимания уделяют содержанию архивов и библиотек, чем это обычно делают историки. Охваченные аксиологической, ценностно-ориентированной перспективой, которая свойственна литературоведению, новые историки обращаются к источникам, которые представляют интерес как тексты, тогда как историкам источники интересны как вместилище информации о прошлом. 2. Новые историки часто более «абдуктивны» в использовании свидетельства, чем историки. А именно они склонны провозглашать истинным то, что для историка нуждается в гораздо большем количестве доказательств. Например, новые историки часто формулируют широко масштабные заявления, основанные только на некоторых незначительных деталях или анекдотах. Конечно, это – вопрос степени, так как в исторической работе «возможно» и «вероятно» всегда имеют большое значение.

В целом, на наш взгляд, нет оснований полагать, что история и литература создают некоторое мета-поле исторических исследований. Даже их унификация вряд ли возможна. Но существующая проблема исторической интерпретации на самом деле объединяет историка и литератора; в сущности, здесь они делают одно и то же: соединяют утверждения о прошлом с идеями настоящего. Но главный критерий работы историков – свидетельство – остается литераторами невостребованным. Литература предлагает истории две вещи: во-первых, она обращает внимание историков на риторiku,

стиль, на эстетические моменты исторического исследования, на важность тщательного и взвешенного подхода к их выбору, предлагает инструктивный репертуар различных моделей репрезентации. Эти модели не просто декоративны, они прямо связаны с историческим исследованием, особенно с проблемами исторической интерпретации. Во-вторых, литература сообщает истории знание определенных аспектов человеческого бытия, относящихся к субъективности и идентичности, которые часто упускаются из вида историками.

Проведенный нами обзор сущности и разновидностей философии истории и историологии дает основания обоснованно предполагать по крайней мере близкое подобие основных идей философско-исторических и историологических размышлений. Но при этом парадоксальным образом философия истории остается маловостребованной современными западными историками. «Я не могу описать границы современной философии истории. Множество дискуссий о ней основано на допущениях постструктурализма (хайдеггеровских по своему происхождению), что весьма далеко уводит историка от практической работы или размышлений о реальных исторических текстах. С другой стороны, дискурс об истории меняется и флуктуирует. Историки оперируют «подразумеваемым знанием», которое они редко делают явным для себя, и они подают его своим студентам в форме передаваемой по наследству проблемы. ...Сегодня философия истории все больше и больше выглядит как историческая практика в контексте литературной теории. Связи с нормальной практикой историописания здесь становятся все более тонкими. Я полагаю, что философия истории не имеет своего специфического дискурса», – считает один из ведущих американских историков Х. Келлнер (Domanska 1998: 40). Его английский коллега П. Берк того же мнения. Он сформулировал 10 тезисов, описывающих специфику западного исторического мышления (Burke 2002; Кукарцева, Коломоец 2004). В перечень его существенных детерминант вошли наука, литература, юриспруденция, западный тип капитализма и его колониальная политика. В целом это достаточно верно воссоздает теоретическую модель понимания истории, свойственную Западу. Но она была бы более адекватной реальности, если бы в ее составляющие элементы был введен еще один – рассмотрение философских оснований западной манеры изложения истории, которая у Берка выпущена из искомого реестра. А между тем фило

софия истории в западном историческом дискурсе занимает важное и совершенно самостоятельное место, она часто инспирирует как содержательные конкретизации исторических штудий, так и постановку и обсуждение теоретических проблем истории. Ф. Анкерсмит в связи с этим замечает: «Одержимость языком и дискурсом поднадоела. Мы говорили о языке более ста лет. Пришло время изменить объект исследования. Лично мне весьма интересна категория исторического опыта» (Domanska 1998: 262). Э. Доманска полагает, что точка зрения Анкерсмита фундаментальна для будущего философии истории. Она символизирует трансгрессию границы, разделяющей историографию и философию истории. Опыт может быть такой же теоретической категорией, как и сюжет в исторических нарративах. Попытка найти такую всеохватывающую категорию имеет длительную историю: в аналитической историологии это объяснительная теория, в нарративно-лингвистической – нарратив, дискурс, метафора. В период антропологизации истории, связанной с обращением к исторической традиции IX в. и к приоритетам антропологической философии, категория опыта вкупе с другими – возвышенное, память, сознание – может по-настоящему обновить философию истории. Это попытался показать Ле Руа Ладюри в «Монтайю», интерпретировав жизнь на основе опыта человека и интерпретировав историю, прослеживая жизнь. Это пытается сделать и Анкерсмит в своей новой книге «Возвышенный исторический опыт» (Ankersmit 2005). Под «историческим опытом» Анкерсмит понимает не опыт людей прошлого, но, скорее, доступный *нам* опыт ушедшего мира, исчезнувшего прошлого, «иной страны», от которой мы отрезаны, но к которой мы можем приблизиться через рефлексию того, что осталось нам от этого прошлого (свидетельств). Анкерсмит полагает, что только через наш опыт конкретного социального и ментального мира как *прошлого* искомого прошлого становится реальностью. И это становление неразрывно связано с «возвышенным опытом разломов (разрывов)», таких, как Возрождение, Французская революция, гражданская война в США, события 1917 и 1989 гг. в России. Чтобы понять природу западного исторического сознания, полагает Анкерсмит, нам следует сосредоточиться на этом опыте.

При подготовке этой статьи мы, философ и историк, несмотря на все разногласия (увы, мы тоже находимся в плену методологических и парадигматических установок своих профессий), все же

согласны в ключевом, на наш взгляд, моменте: историческая дисциплина в наше время должна как можно шире апеллировать к эпистемологическим и философским паттернам социально-гуманитарного знания. Конечно, в наше время в модернистском академическом сообществе преобладает дисциплинарная слепота. Это – слепота историков, которые спорят только с другими историками, философы – только с другими философами, экономисты – только с другими экономистами, и так далее. Но только историки сегодня являются наиболее нетеоретическими из всех ученых, правила исторического исследования часто формулируются не ясно. Многие историки фактически никогда не вступали в серьезные аргументативные отношения с экономистами или философами или даже литературными теоретиками. Историк сегодня должен стать интеллектуалом, со знанием дела рассуждающим как в границах историографической области исследований, так и вне ее, исследователем, эпистемологически ответственным за письмо истории, а не небрежным или преднамеренно тенденциозным «писателем». Поэтому мы убеждены в том, что методология социально-гуманитарных наук, которая, конечно, не является методом исторических исследований, тем не менее может многому научить историков.

Литература

- Арон, Р.** 2000. *Введение в философию истории*. М.: Университетская книга.
- Барт, Р.**
1994. Эффект реальности. В: Барт, Р. *Избранные работы. Семиотика. Поэтика*. М.
2000. Введение в структурный анализ повествовательных текстов. От структурализма к постструктурализму. *Французская семиотика*. М.
2003. Дискурс истории. В: Барт, Р. *Система моды*. Статьи по семиотике культуры. М.
- Вен, П.** 2003. *Как пишут историю. Опыт эпистемологии*. М.
- Дройзен, Й. Г.** 2004. Очерк истории. В: Дройзен, Й. Г. *Историка*. СПб.
- Гинзбург, К.** Приметы: уликовая парадигма и ее корни. В: Гинзбург, К. *Мифы – эмблемы – приметы*. М.
- Гемпель, К. Г.** 1998. Функция общих законов в истории. В: Гемпель, К. Г. *Логика объяснения*. М.
- Коллингвуд, Р. Дж.** 1980. *Идея истории. Автобиография*. М.
- Козлов, С.** 2003. На Rendez-Vous с «новым историзмом». *НЛО* 35.

Кроче, Б. 1998. *Теория и история историографии*. М.

Кукарцева, М. А., Коломоец, Е. Н. 2004. Особенности исторического мышления на Западе. Аналитический обзор. *Вестник МГУ* 6.

Ницше, Ф. 1990. О пользе и вреде истории для жизни. *Соч.*: в 2 т. Т. 1. М.

Оукшот, М. 2002. Деятельность историка. *Рационализм в познании* (с. 128–153). М.

Рикер, П.

1999. *Время и рассказ*. СПб. Т. 1–2.

2002. *История и истина*. СПб.

2004. *Память, история, забвение*. М.

Смоленский, Н. И. 1996. Возможна ли общеисторическая теория. *Новая и новейшая история* 1.

Фуко, М. 1996. *Воля к истине*. М.

Ankersmit, F.

1994. *History and Tropology: the Rise and Fall of Metaphor*. Berkeley: University of California Press.

2005. *Sublime Historical Experience*. Stanford.

Ankersmit, F., and Kelner, H. (eds). *A New Philosophy of History*. Chicago: Univ. of Chicago Press.

Bann, St. 1984. *The Clothing of Clio: a Study of the Representation of History in the Nineteenth-Century Britain and France*. Cambridge: Cambridge University Press.

Berding, H. 1990. *Aufklaren derch Geschichte*. Gottingen.

Bradley, F. H. 1935. The Presuppositions of the Critical History. In *Collected Essays by F. H. Bradley*. Vol. 1. Oxford University Press.

Burke, P. 2002. Western Historical Thinking in a Global Perspective – 10 Theses. In Rusen, J. (ed.), *Western Historical Thinking An Intercultural Debate*. N. Y. – Oxford: Berghahn Books.

Carrard, P. 1992. *Poetics of the New History: French Historical Discourse from Braudel to Chartier*. Baltimore: Johns Hopkins University Press.

Domanska, E. 1998. *Encounters Philosophy of History after Postmodernism*. University Press of Virginia.

Dray, W. H. (ed.) 1966. *Philosophical Analysis and History*. New York and London: Harper and Row.

Dretske, F. 1981. *Knowledge and the Flow of Information*. Cambridge: Mass.

Gardiner, P. 1959. *Theories of History*. Glencoe IL: Free Press.

Goldstein, L. J. 1976. *Historical Knowing*.

Gordon-Reed, A. 1998. *Thomas Jefferson and Sally Hemings: An American Controversy*. Charlottesville: University of Virginia Press.

Gossman, L. 1990. *Between History and Literature*. Cambridge, MA: Harvard University Press.

Hamerow, T. 1987. *Reflections on History and Historians*. University of Wisc. Press.

Harman, G. 1965. Inference to the Best Explanation. *Philosophical Review* 74: 88–95.

Helgerson, R. 1989. Barbarous Tongues: the Ideology of Poetic Form in Renaissance England. In Dubrow, H., Strier, R. *The Historical Renaissance. New Essays on Tudor and Stuart Literary Culture*. N. Y.

Hook, S. 1963. *Philosophy and History: A Symposium*. New York: New York University Press.

Kellner, X. 1989. *Language and Historical Interpretation: Getting the Story Crooked*. Madison: University of Wisconsin Press.

Lipps, H. 1941. *Die Menschliche Natur*. Frankfurt am Main.

Litt, Th. *Mesh und Welt*. München.

Marrou, H-Ir. 1954. *De la connaissance historique*. Paris: Seuil.

Martin, R. 1995. On “Telling the Truth about History” by Applby, Hunt and Jakob. *History and Theory* 34: 3.

McCullagh, C. Behan. 2004 *The logic of History: Putting Postmodernism in Perspective*. London: Routledge.

Mink, L. 1987. Narrative Form as a Cognitive Instrument. In Fay, B., Golob, E., Vann, R. (eds.), *Historical Understanding*. N. Y: Ithaca, Cornell University Press.

Rothaker, E. 1971. *Geschichts philosophie*. München.

Rusen, J.

1975. *Historische Objektivität; Aufsätze zur Geschichtstheorie*. Vier Beiträge.

2002. *Preface to the Serias. Western Intellectual Debates*. N. Y., Oxford.

Sober, E. 1988. The Principle of the Common Cause. In *Reconstruction the Past: Parsimony, Evolution and Inference*. Cambridge: Mass.

Sombart, W. 1938. *Vom Menschen. Versuch einer geistswissenschaftlichen Anthropologie*. Berlin.

Turcer, A. 2004. *Our Knowledge of the Past: A Philosophy of Historiography*. N. Y.: Cambridge University Press.

Veese, H. A. (ed.) 1994. *The New Historicism Reader*. New York.

White, H.

1987. *The Content of the Form: Narrative Discourse and Historical Representation*. Baltimore: Johns Hopkins University Press.

1973. *Metahistory: The Historical Imagination in the Nineteenth-Century Europe*. Baltimore: Johns Hopkins University Press.